

А.А. Стахович

Клочки воспоминаний

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Стахович**
Ключки воспоминаний / А.А. Стахович – М.: Книга по Требованию, 2021. –
362 с.

ISBN 978-5-518-01019-2

ISBN 978-5-518-01019-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Съ такими скудными личными воспоминаніями странно, даже смѣшно, писать мнѣ о Мочаловѣ. Но передамъ то, что слышалъ о немъ отъ С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, П. М. Садовскаго и отъ брата моего М. А. Стаховича.

4 сентября 1817 года въ Московскомъ театрѣ шелъ «Эдипъ въ Аѳинахъ», Озерова. Вотъ что говорилъ мнѣ Аксаковъ о первомъ дебютѣ Мочалова. Было душно; Эдипъ - Колпаковъ (знаменитость того времени) былъ не въ ударѣ. Креона, ежели не ошибаюсь, игралъ Зловъ; пьеса шла вяло, апплодисментовъ не было, публика чуть не заснула. Вдругъ за кулисами раздается молодой, полный жизни голосъ Поленика. «Ахъ, гдѣ она, вы къ ней меня ведите!» Багъ электрическая искра пробѣжала по залѣ; послѣ усыпительной монотонной игры этотъ голосъ поразилъ всѣхъ... и вбѣжалъ въ первый разъ на сцену Мочаловъ! Невольно раздались апплодисменты; актеры, публика—все оживилось. Мочаловъ игралъ великолѣпно, рукоплесканія не прерывались, триумфъ былъ полный.

Аксаковъ былъ страстный поклонникъ Мочалова и ставилъ его выше всѣхъ, когда-либо имъ видѣнныхъ, актеровъ. Сергѣй Тимоѣевичъ былъ въ восторгѣ отъ игры Мочалова даже и въ Чацкомъ, говоря, что послѣдній актъ и заключительный монологъ были совершенствомъ. М. С. Щепкинъ передалъ мнѣ о дебютѣ Павла

Степановича въ Петербургѣ. Геній на сценѣ, ребенокъ въ жизни, Мочаловъ не понялъ, отчего ему предложили дебютировать въ роли Фердинанда въ «Коварствѣ и любви». Огромнаго роста, стройный Каратыгинъ въ бѣломъ мундирѣ былъ очень красивъ и представителенъ въ этой роли. Мочалова, — небольшого роста и сутуловатаго, — облекли въ какой-то сѣрый мундиръ съ красными отворотами и дали ему шляпу съ голубымъ плюмажемъ. Наступилъ вечеръ дебюта, театръ набитъ биткомъ, выходитъ Мочаловъ, гробовое молчаніе; онъ начинаетъ волноваться, говорить нараспѣвъ монологъ за монологомъ; хватается то за голову, то за шпагу; ежеминутно вертитъ несчастнымъ плюмажемъ передъ носомъ... Роль пропала. Публика не шикаетъ, не смѣется, а смотритъ въ недоумѣніи. Что это такое, и это московскій геніальный Мочаловъ? Но подходитъ то мѣсто въ драмѣ, когда Фердинандъ, показывая Луизѣ письмо, спрашиваетъ ее: она ли написала его? «Да», — отвѣчаетъ Луиза... Мочаловъ вдругъ преобразился, потемнѣло чело, онъ выросъ... и страшный вопль: «скажи, что ты солгала» — потрясъ своды театра и растопилъ ледяное предубѣжденіе петербургской публики! Какъ одинъ человекъ, захопалаи тысячи рукъ... Минута вдохновенія прошла, Мочаловъ сталъ играть еще хуже, но упалъ занавѣсъ, и загремѣли клики: «Мочалова! Мочалова!» Одна вспышка геніальнаго огня дала понять зрителямъ, что такое Мочаловъ!

П. М. Садовскій разсказывалъ, что въ 1839 году послѣ года трудовъ, лишеній и униженій, онъ вымолилъ себѣ первую роль. Ему дали играть какого-то приказнаго, въ водевилѣ «Именины благодѣтельнаго помѣщика», или «Свадьба въ селѣ Сверчковѣ» *). Водевиль шелъ послѣ «Лира». По окончаніи трагедіи, много разъ вызывали Мочалова. Начали перемѣнять декораціи, вызовы все продолжаются. Поставили комнату водевиля, даютъ звонокъ актерамъ выходить на сцену, а публика кричитъ: «Мочалова, Мочалова!» Подымаютъ занавѣсь, Мочаловъ снова выходитъ и, уходя, въ кулисѣ сталкивается съ Садовскимъ, который шелъ уже на сцену. «Когда я взглянулъ на него, — говорилъ мнѣ Провъ Михайловичъ, — я такъ и обмеръ и не помню, какъ присѣлъ на какую-то скамейку». Такъ горѣли его глаза, пылалъ страстью вдохновенный ликъ, — Мочаловъ былъ все еще Лиромъ; священный огонь не угасалъ, хотя прошло много времени, когда кончилась трагедія.

Такъ и остался Садовскій на скамейкѣ; нашли его, пихнули на сцену, забылъ онъ, что ему надобно было говорить. Передъ нимъ все еще стоялъ ужасный Лиръ!

---

*) Бѣлинскій пишетъ, т. 2, стр. 618: „Въ интермедіи водевилѣ: „Именины благодѣтельнаго помѣщика“, онъ (Воротынцевъ) отличался въ роли вѣмца Карла Мартыновича Янсона, но мы не остались на эти именины“. Вѣроятно и на послѣдующія „именины“ не оставался Бѣлинскій, и онъ, кажется, никогда не видалъ Садовскаго: ему стали давать роли послѣ отъѣзда Виссаріона Григорьевича въ Петербургъ.

Ошибали бѣднаго Садовскаго и послѣ спектакля чуть не лишили единственной роли *)).

Случилось Садовскому впослѣдствіи бывать въ одной уборной съ Мочаловымъ; одѣваясь, онъ бывалъ веселъ, шутилъ; гримируется, надѣваетъ парикъ, скоро готовъ... и постепенно Мочаловъ становился все серьезнѣе: онъ умолкалъ, дума ложилась на чело, всѣ невольно зати-хали, и выходилъ изъ уборной не Мочаловъ, а принцъ Гамлетъ или Лиръ!

И. М. Садовскій очень кратко, но мѣтко characterизо-валъ вдохновеніе игры Мочалова: «это была,—говорилъ онъ,—лейденская заряженная банка... поражала и раз-ряжалась».

Мой братъ былъ студентомъ въ 1835 году, когда при-ѣзжалъ въ Москву В. А. Каратыгинъ. Во многихъ роляхъ онъ очень нравился, была часть публики, особливо ари-стобратическая, которая ставила Каратыгина наравнѣ и даже выше Мочалова. Въ театрѣ начались стычки кара-тыгинистовъ и мочаловцевъ; но въ тридцатыхъ и соро-

---

*) И со мной грѣшнымъ былъ въ этомъ родѣ случай на аренѣ Мар-сова поля. Я былъ въ майскомъ парадѣ, кажется въ 1850 году; лошадь моя захромала, эскадронный командиръ приказалъ пересѣдлатъ мнѣ ло-шадь изъ фронта. Сажусь—вижу породистый бѣлый конь; спрашиваю у вахмистра, не была ли прежде эта лошадь какого-нибудь офицера? „Такъ точно,—отвѣчалъ вахмистръ,—поручика Лермонтова“. И мысль, что я сижу на лошади Лермонтова, стубила меня: ни равненія, ни прибавлен-ной рыси... все пропало. Дорого обошлось мнѣ счастье ѣхать на ло-шади великаго поэта.

жовыхъ годахъ поэтическіе и сценическіе восторги были въ строгихъ рамкахъ. Не даромъ тогда Гоголь вложилъ въ уста своего городничаго: «Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать, отъ этого убытокъ казнѣ».

Высшая и низшая полиція Москвы строго слѣдила и за восторгами. Только разрѣшено было восторгаться балетомъ, — оно невиннѣе, да къ тому же оберъ-полицеймейстеръ Цинскій покровительствовалъ первой танцовщицѣ Санковской *). Весь университетъ, профессора и

---

*) По этому поводу извѣстный актеръ и водевилистъ Д. Т. Ленскій сказалъ экспромтъ:

Брандъ-маіоръ Тарновскій
Тѣмъ себя прославилъ,
Что башмакъ Санковской
Цинскому доставилъ.
Такъ ли? При рапортѣ-ль...
Слухи не доходятъ,
Но черезъ этотъ фортель
Многіе выходятъ.

Впослѣдствіи, уже на моей памяти, возгорѣлась балетная война между поклонниками Санковской и пріѣзжей петербургской танцовщицы Андреяновой (которой очень протезировалъ директоръ театровъ Геденовъ), и дошло до того, что Павелъ Булгаковъ, виѣсто букета, г-жѣ Андреяновой кинулъ на сцену дохлую кошку, какъ эмблему худобы этой балерины. Но и балетные восторги въ 50-хъ годахъ, которые возбуждала, во время правленія графа Закревскаго, знаменитая Фанни Эльснеръ, были порицаемы. Балетоманы-фанатики, которые запрягались въ ея колесницу, и особенно возница г. Хлоповъ, помѣстившійся на козлахъ, пострадали.

студенты были мочаловцы. Мой братъ былъ въ числѣ трехъ студентовъ, которые отъ лица своихъ товарищей поѣхали къ Каратыгину благодарить его за доставленное высокое артистическое наслажденіе и просить въ его бенефисъ взять что-нибудь изъ Пушкина, чтобы великій русскій актеръ растолковалъ бы имъ геніальнаго русскаго поэта. Каратыгинъ былъ тронутъ.

— Поставьте, Василій Андреевичъ,—говорили депутаты,— «Моцарта и Сальери»; Сальери — вотъ ваша роль.

— Кто-жъ будетъ играть Моцарта? — спросилъ Каратыгинъ.

— Мочаловъ,—отвѣчаютъ ему.— Въ вашъ бенефисъ онъ возьметъ и вторую роль.

Должно быть хорошо помнилъ роль Сальери Каратыгинъ; онъ отказалъ, и очень сухо. А хотѣлось московскимъ студентамъ, чтобы самъ Каратыгинъ, въ свой бенефисъ, сказалъ бы про Моцарта-Мочалова, что геній даетъ судьба:

... не въ награду
Люви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій...
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго.

Въ эту минуту театръ грохнулъ бы отъ рукоплесканій Каратыгину. Передамъ еще воспоминанія моего брата. Въ сороковыхъ годахъ Мочаловъ въ свой бенефисъ вы-

велъ въ первый разъ на сцену свою дочь Екатерину Павловну въ «Коварствѣ и любви», въ роли Луизы, а самъ, всегда играя Фердинанда, въ это представленіе въ первый разъ игралъ музыканта Миллера (отца Луизы), а роль Фердинанда передалъ Самарину.

Въ сценѣ оскорбленія отеческаго чувства, когда Миллеръ говоритъ президенту, что онъ пойдетъ жаловаться герцогу, президентъ отвѣчаетъ, что его не допустятъ. Мочаловъ оцѣпенѣлъ, молчалъ нѣсколько секундъ и началъ монологъ словами «ваше превосходительство». Братъ говорилъ мнѣ, что болѣе ужаснаго площаднаго ругательства, какимъ прозвучали въ устахъ Мочалова слова: «ваше превосходительство», онъ въ своей жизни не слышалъ. Не кончивъ монолога, Мочаловъ схватилъ стулъ, кинулся на президента, стулъ выпалъ изъ его рукъ, съ Мочаловымъ сдѣлалось дурно, онъ упалъ. М. С. Щепкинъ въ этотъ вечеръ игралъ Вурма и говорилъ мнѣ, что рыдалъ на сценѣ отъ игры Мочалова, что ужъ никакъ не подходило къ характеру его роли.

Не помню, Садовскій или мой братъ передавали мнѣ, какъ въ первый разъ директоръ театровъ А. М. Геденовъ увидалъ Мочалова. Можетъ быть, Геденовъ рѣдко ѣздилъ въ Москву или случалось ему пріѣзжать, когда Мочаловъ былъ въ отпуску или боленъ, но ни разу онъ не видалъ Павла Степановича на сценѣ. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ директоръ приказываетъ поставить

«Гамлета», чтобы видѣть наконецъ Мочалова. Говорятъ, что артистъ давно боленъ. «Что такое, чѣмъ?» Съ улыбкой отвѣчаютъ: «Запой, ваше превосходительство».

Лѣтъ двадцать пять назадъ ни одинъ актеръ не называлъ иначе директора, какъ «генераль» *). Что же было въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ? Мы, воспитанники школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, не такъ боялись генерала Судгофа или великаго князя Михаила Павловича, какъ боялись артисты Гедеонова... И поѣхалъ онъ разносить пьяницу въ его квартиру. Болѣзнь приходила къ концу; Мочаловъ перешелъ уже на пиво. Много смѣнилъ онъ собутыльниковъ, остался при немъ одинъ какой-то дьяконъ. Сидитъ, облокотившись на руку, Мочаловъ; благодумствуетъ отецъ дьяконъ; на столѣ и подъ столомъ рядъ пустыхъ бутылокъ... Вдругъ отворяются двери и входитъ Гедеоновъ.

— Это что такое? Вотъ какъ ты боленъ? Ты пьешь третью недѣлю?

— Что вамъ нужно, кто вы такой? — поднявъ голову, спрашиваетъ Мочаловъ.

— Я — директоръ, — отвѣчаетъ Гедеоновъ.

Мочаловъ всталъ, скрестилъ руки и покачалъ головою.

— Вы Гедеоновъ? Какъ же вы смѣли придти къ Мо-

---

*) Какъ и до сихъ поръ прислуга называетъ дворцовыхъ фрейлинь «генеральша».

чалову, когда вы знали, что онъ пьеть? Вы, директоръ, видите въ первый разъ въ жизни Мочалова, гордость и славу русскаго театра, не на сценѣ, въ мипуты его триумфа, когда онъ потрясаетъ, живить и леденить кровь тысячей зрителей, когда театръ стонеть отъ криковъ и воплей! А вы пришли смотрѣть на Мочалова пьянаго, въ грязи... не тогда, когда онъ гений, а когда онъ перестаетъ быть даже человѣкомъ! Стыдно вамъ, директоръ Гедеоновъ! Ступайте вонъ! Идите скорѣй вонъ!

Гедеоновъ прослезился и ушелъ. Онъ видѣлъ Мочалова.

Вспоминая всѣ рассказы современниковъ объ игрѣ Мочалова, прихожу къ убѣжденію, что никто, кромѣ него, не могъ такъ играть. Страшный его шепотъ слышался во всемъ театрѣ, его хохотъ въ монологѣ Гамлета: «Оленья ранили стрѣлой», леденилъ кровь зрителей, его рыданія и проклятія въ «Отелло» потрясали своды театра, какъ рыканье африканскаго льва. Какъ слабы и смѣшны становились удары театральнаго грома, блескъ молніи и завыванье бури предъ потрясающимъ громомъ его проклятій и стонувъ обезумѣвшаго отъ горя и несчастій Лира!

Его любовный лепетъ въ «Нино» (въ драмѣ Уголино) былъ такой мелодіей, звучалъ такимъ молодымъ счастьемъ, что свѣтло и радостно становилось на душѣ у каждаго. Голосъ для актера—все, а онъ имѣлъ еще гений, мощь и мимику, и все въ минуты вдохновенія! Закончу

о Мочаловѣ двумя строфами изъ стихотворной повѣсти «Былое» покойнаго моего брата М. А. Стаховича, напечатанной въ началѣ пятидесятихъ годовъ въ *Москвитянинѣ*:

Блистають ложи золотыя,
Народу тьма, и часъ насталь,
Желанный часъ, когда впервые
Мочаловъ Гамлета игралъ.
Я помню этотъ день чудесный!
Шекспирь, по слухамъ лишь извѣстный,
И нашу сцену посѣтилъ.
Какъ будто стройный рядъ свѣтилъ,
Прошли невиданныя сцены;
Намъ открывался новый свѣтъ.
Пока не вывѣдалъ Гамлетъ
Братоубійственной измѣны,
Какъ звѣрь подстрѣленный вскочилъ
И смѣхомъ... кровь заледенилъ!
Театръ весь вздрогнулъ! Страхъ и холодъ
Его объялъ и разъ за разъ
Тутъ сердце стукнуло, какъ молотъ.
Но мигъ прошелъ. И разразяся
Неслыханнымъ, ужаснымъ трескомъ,
Толпа и воплями, и плескомъ
Взгремѣла! Этотъ страшный гулъ,
Казалось, своды пошатнулъ.
А онъ, онъ грозный, съ ликомъ блѣднымъ,
Въ красѣ трагической своей
Стоялъ, какъ нѣкій чародѣй,
Смѣялся хохотомъ побѣднымъ!